

Вместо заключения

Исследования авангардных течений у западных и южных славян в аспекте антитрадиционализма и преемственности показали, что при всем своем программном нигилизме по отношению к национальному и мировому культурному наследию они были включены в разветвленную систему диахронных и синхронных литературных связей, в систему свободного циркулирования литературного опыта всех времен и народов. Ее можно сравнить с «системой кровообращения», выход из которой губителен для любых живых организмов, в том числе и для искусства. Отсюда — постоянные (стихийные или сознательные) уступки авангарда традициям, восходящим к отдаленным по месту и времени эпохам и культурам (см. представленный в сборнике анализ творчества Л. Климы, обращавшегося к традициям готического романа, М. Црнянского, связанного с традициями барокко и восточных культур), или традициям, относительно приближенным к материнской почве возникновения авангардных течений. О последнем свидетельствует поэзия Гео Милева, соединившего традиции символизма с завоеваниями экспрессионизма; опора на романтизм и натурализм словацких экспрессионистов Я. Грушовского и Г. Вамоша, на романтизм — польских футуристов Б. Ясенского, А. Вата, Ч. Милоша, представителя польского второго авангарда; опора лидера чешского поэтизма и сюрреализма В. Незвала на творчество Г. Аполлинера и К.Г. Махи; культ словацкими надреалистами поэта-романтика Янко Краля; переключки с реализмом чешских и словацких сюрреалистов, стремившихся, но по-своему, «раскрывать реальность». Иными словами, авторы сборника на разных примерах показали, что славянский авангард, отдавая предпочтение романтизму, опирался на самый широкий спектр литературных традиций.

В ходе проведенных авторами сборника исследований выявлены и те уровни творчества, на которых наиболее активно работали «механизмы преемственности» опыта собратьев по перу. Их диапазон — от мировоззрения художника до элементов структуры текста — очерчивают работы об отношении сербского сюрреалиста М. Ристича к пластам народно-религиозной культуры и о реставрации в прозе Д. Татарки, связанного с сюрреализмом, сюжета, которому объявил войну как рудименту отжившего стиля чешский поэтизм.

Совокупность представленных в сборнике материалов позволяет сделать вывод о подвижности, непостоянстве преемственных и полемических связей авангарда с искусством традиционным. Полемические связи чаще пропагандировались в программах, практика же допускала уступки традициям, развивала преемственные связи. В период рождения и самоопределения авангардных течений акцентировались связи полемические. Со временем крепились связи преемственные, причем до такой степени, что многие писатели, представители как славянских, так и западных литератур уходили от авангарда к более традиционному искусству — реализму, социальному реализму, соцреализму, обогащая эти направления опытом авангардизма. (Среди них — Б. Ясенский, М. Крлежа, А. Цесарец, В. Незвал, К. Библ и другие.)

Данный сборник, предназначенный для специалистов и для всех, кто интересуется искусством авангарда, способен уменьшить брешь в представлениях о специфике авангардных течений в литературах западных и южных славян, изученных в нашей стране и за рубежом гораздо слабее, чем авангардные течения в западноевропейских литературах. Одновременно он расширяет представления о европейском авангарде, его функции и месте в искусстве XX в., о диапазоне его вариантов и возможностей.

Исследования преемственных связей на материале течений, против них настроенных, но им поддававшихся, подтверждает их неодолимость. Вместе с отрицанием общепризнанного и устоявшегося они входят в механизм развития литературы, в механику ее обновления. Как к литературной преемственности ни относиться, ее можно ослабить, осложнить, но ее невозможно избежать. Ведь субъектом искусства, литературы, любых художественных направлений является homo sapiens, не страдающий от амнезии и впитавший «с молоком матери», с воспитанием и образованием опыт родной и зарубежной культуры. Он обогащает его духовный мир, менталитет и оживает в процессе творческой самореализации. Отрешиться от этого опыта, от связанных с ним впечатлений, образов, ассоциаций и создать артефакт, где «новизна» выступала бы в чистом виде, может лишь запрограммированный на это робот, но не человек. Кроме того, программная элиминация испытанных приемов ограничивает художника в подручных средствах, посягает на свободу творчества, вступая в противоречие с характером авангардного искусства, эту свободу защищавшего. К тому же преимущества и притягательность новизны проявляются лишь в общеэстетическом контексте, в сочетании и взаимодействии с обычным и привычным. В своем чистом виде она неудобоварима, как всякий концентрат.

Завершить статью об итогах работы над коллективным трудом об антитрадиционализме и преемственности в программах и практике славянского литературного авангарда хотелось бы двумя цитатами. Одна — из публицистики немецкого драматурга и поэта Бертольда Брехта, материалиста и соцреалиста, некогда уважаемого за свои политические взгляды, а потом, подрастерявшего из-за них свой былой авторитет, что не умаляет его таланта. Другая — из Владимира Соловьева, русского философа-идеалиста, когда-то замалчиваемого на родине, но в конце концов занявшего почетное место в родной культуре.

Брехт, начинавший в русле авангарда, но с годами сменивший позицию, как-то задумавшись над тем «что такое национальная литература и литература вообще», пришел к выводу, что это «великая последовательность поколений», что это «сражения и связи», «обновления, которые являются исправлениями, [...] традиция, которая облегчает прогресс вместо того, чтобы ему препятствовать»¹. Задолго до него в защиту связей с прошлым, которые дискредитировал авангард, выступил В. Соловьев. По его мнению, участие в обновительных процессах означает «[...] идти вперед, взяв на себя всю тяжесть старины [...] Спасующий спасется. Вот тайна прогресса — другой нет и не будет»². По сути дела участники авангардного движения в литературах западных и южных славян, каждый по-своему, так или иначе, не только вели «сражения», но и поддерживали «связи» с прошлым, не только сбрасывали, продвигаясь вперед, но и взваливали на себя «тяжесть старины». Это и позволило авангарду остаться явлением искусства и, заложив свои традиции, участвовать в литературном процессе и после распада его течений³.

¹ *Брехт Б.* О литературе. М., 1988. С. 371–372.

² *Соловьев В.С.* Сочинения в 2-х тт. Т. 2. Чтения о богочеловеке: Философская публицистика. М., 1989. С. 621.

³ Подробнее о результатах работы над проблемой см.: *Будагова Л.Н.* Сражения и связи. Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда (Итоги реализации проекта) // Традиции и инновации в истории и культуре. Программа фундаментальных исследований Российской Академии наук. М., 2015. С. 481–487; *Она же.* Как решали проблему преемственности течения, от нее отрекавшиеся. Об итогах реализации одного научного проекта // Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам I Хоревских чтений). М., 2017. С. 14–21.